

Дуань Цунчжи и сам не заметил, как отстал на пару шагов. Он посмотрел в спину Цинь Кэ, затем ускорил шаг, нагоняя его. Пожалуй, подобные вопросы лучше оставлять без ответов.

На следующий день съёмочной группе предстояло запечатлеть рассвет. Дуань Цунчжи поднялся ни свет ни заря, ненароком потревожив и Цинь Кэ.

— Прости, ещё совсем рано, — виновато улыбнулся юноша. — Спи дальше. Чжоу Цюань позже принесёт завтрак.

Цинь Кэ лишь качнул головой. В его взгляде не осталось и следа сонливости. Он никогда не ложился спать повторно, да и привычки позволять посторонним заходить в свою спальню ради побудки не имел.

Время поджимало. Не успевая уделить мужчине больше внимания, Дуань Цунчжи поспешил на встречу с Ху Сюйцзэ. По пути он перехватил Чжоу Цюаня и попросил того приготовить для Цинь Кэ крепкий кофе.

В мыслях и сердце Учэня жил один лишь меч. К главной героине он испытывал глубокое уважение, но не любовь, а уж к Ци Ваню и подавно относился с прохладой. После того как тот покусился на несчастного кролика, Учэнь и вовсе сделался ледяным.

Ци Ван попытался было извиниться — легкомысленно, в своей обычной манере, — но, не дождавшись прощения, тоже замолчал.

Прежде их общение сводилось к урокам фехтования и бесконечной болтовне Ци Ваня. Теперь же они едва перекидывались парой слов за весь день. Один хладнокровно наставлял, другой молча перенимал мастерство. Стоило уроку закончиться — учитель сразу уходил, а ученик изнурял себя тренировками до седьмого пота.

Ци Ван не щадил себя и то и дело получал раны. Героиня частенько приносила ему снадобья, и постепенно между ними зародилось ответное чувство.

С малых лет девушка знала, что ей суждено стать женой Учэня, и когда-то даже питала к нему робкую нежность. Но юноша оставался непреклонен. Он казался одинокой вековой сосной на заснеженном утесе: безучастно созерцал суету бренного мира, и ни одна живая душа не могла всколыхнуть его покой.

Рядом же с Ци Ванем она наконец оживала и чувствовала себя счастливой.

В этой сцене героиня приносила Ци Ваню мазь. Учэнь должен был стоять поодаль, молча наблюдая за ними. Ци Ван знал об этом присутствии. Стоило их взглядам пересечься, как

бунтарь впервые позволял девушке обработать свои раны, а Учэнь, не проронив ни слова, разворачивался и уходил.

Сцена казалась несложной, однако после нескольких дублей режиссёр Тянь по-прежнему качал головой. Наконец он подозвал актёра к себе:

— Сяо Дуань, у тебя здесь слишком много безразличия. Тут всё тоньше.

Дуань Цунчжи недоумевал. На читке сценария чётко определили: поначалу Учэнь не доверяет Ци Ваню. Лишь в самом конце, разглядев в нём перемены, он вверяет ему свой легендарный меч.

Неужели дело в ревности? Но ведь Учэнь и к невесте не питал особой страсти.

Режиссёр досадливо прищелкнул языком:

— Я думал, вы, молодёжь, сразу уловите суть, вот и не стал разжёвывать... Здесь должна быть недосказанность, тончайший флёр. Сыграешь в лоб — всё испортишь.

Натолкнувшись на искреннее недоумение в глазах юноши, режиссёр Тянь замялся, не зная, как подобрать нужные слова. Положение спас Ху Сюйцзэ. Он мягко улыбнулся:

— Позвольте мне объяснить.

Тянь Цзинхуа полностью доверял ведущему актёру, а потому с облегчением оставил их наедине и отправился настраивать кадр для сольных сцен главной героини.

Актёры устроились в тени развесистого дерева. Сюйцзэ попросил сестру Чжан ненадолго оставить их, пообещав присмотреть за кроликом.

Поглаживая пушистого зверька, Ху Сюйцзэ принялся неторопливо распутывать клубок взаимоотношений их персонажей. Услышав версию о том, что Ци Ван тайно влюблён в Учэня, Дуань Цунчжи удивлённо приподнял брови. Когда же собеседник добавил, что и Учэнь равнодушен к бродяге, юноша и вовсе усомнился в его словах.

— Разве Учэнь не должен любить Шуюй? — спросил он.

— Это долг, — возразил Ху Сюйцзэ. — Учэнь несёт на своих плечах судьбу Поместья Почитания Меча, и Шуюй — лишь часть этой ноши.

— Если рассуждать в таком ключе, — хмыкнул Цунчжи, — главные герои вот-вот сольются в

любовном экстазе. А что тогда делать героине?

— Она — уступка массовому зрителю. На экране всё должно выглядеть благопристойно: двое мужчин соперничают за её сердце.

Дуань Цунчжи только и смог, что промолчать.

Юноша наивно полагал, будто снимается в классической уся-драме.

«И что это за нелепая мыльная опера в духе: она любит его, он вздыхает по другому, а тот делает вид, что увлечён ею, лишь бы скрыть чувства к сопернику?»

Ху Суйцзэ протянул кролику сочную травинку и вскользь поинтересовался:

— Ты ведь никогда по-настоящему не любил, верно?

Вопрос застал Дуань Цунчжи врасплох.

— Ты мне нравишься.

— Что?.. — от неожиданности юноша опешил. Первая мысль, промелькнувшая в голове: Суйцзэ просто репетирует очередную сцену.

— Это не реплика из сценария, ты и сам отлично знаешь, что таких слов там нет, — мягко прервал его Ху Суйцзэ. — И я не заигрался. Я прекрасно разделяю вымысел и реальность.

Дуань Цунчжи лихорадочно соображал, как повежливее отказать коллеге, когда тот добавил:

— Я не прошу взаимности и не призываю тебя встречаться со мной. Мне просто хотелось, чтобы ты знал.

Юноша незаметно выдохнул.

— Тебя привлекает моя внешность?

В конце концов, они едва успели познакомиться, и никаких иных причин, кроме смазливости лица, Дуань Цунчжи предположить не мог.

Суйцзэ понял: если сейчас не расставить все точки над «и», парень начнёт за километр его обходить.

— Разумеется, если бы это было взаимно, я бы непременно стал за тобой ухаживать, — признался он, открыто глядя на собеседника. — Но если я тебе не мил — что ж, буду любить тебя в одностороннем порядке. Это касается только меня. Само чувство дарит мне радость. Знаешь, в обычной жизни я довольно эмоционально скуп. На съёмочной площадке я полностью растворяюсь в переживаниях своих героев, поэтому крупницы собственных искренних чувств для меня бесценны.

Дуань Цунчжи молча выслушал это признание. Похоже, творческие натуры действительно видят мир иначе.

Похоже, Ху Сюйцзэ действительно не ждал ответа. Он открылся лишь потому, что к слову пришлось, избавив юношу от неловкой необходимости подбирать слова для отказа. Актёр тут же вернулся к прерванной нити разговора:

— Моя симпатия искренняя, но все мы разные. Ци Ван, к примеру, любит совсем иначе. Он — бунтарь и отступник. Если бы Учэнь дал хоть малейший намёк, Ци Ван, не задумываясь, отрёкся бы от всего мира и сбежал с ним на край света.

На первый взгляд, благородный Учэнь куда больше походит на истинного героя уся-романов. Он несёт бремя долга. Ци Ван же — вольный бродяга. Его стихия — свобода, он презирает любые оковы и бежит от обязательств.

Но когда Ци Ван исчезает, Учэнь добровольно взваливает на себя бремя Хранителя меча. И мало кто знает, что под его белоснежными одеждами скрываются раны, нанесённые некогда любимым другом.

Ци Ван прекрасно понимал: этот поход станет для Учэня дорогой в один конец. Он знал, что мечник не пытается взывать к его совести, но, делая свой выбор, Учэнь полностью отдавал себе отчёт в последствиях. И всё же Ци Ван вернулся. Шагнул навстречу гибели — ради Учэня.

— Это скрытая сюжетная линия. На поверхности же всё чинно-благородно: Учэнь наставил смутьяна на истинный путь, и в финале Ци Ван жертвует собой ради спасения Поднебесной.

Дуань Цунчжи понимающе кивнул.

— Мне казалось, тебе эти чувства должны быть знакомы. Ты и тот твой... близкий друг. У вас ведь всё так же?

— Между нами нет ничего подобного, — поспешил откреститься юноша.

— Но ты ведь явно без ума от него.

Собеседник резал правду-матку с пугающей прямоотой. Дуань Цунчжи на мгновение замялся,

после чего тихо обронил:

— Он отверг меня.

— И ты поверил, что это окончательное «нет»?

— С чего ты взял?

— Просто мне кажется, упрись он рогом по-настоящему, ты бы уже давно отступился. Ты не похож на упрямца, готового биться головой о закрытую дверь ради безнадежной любви.

Дуань Цунчжи ошеломлённо замер. Ху Сюйцзэ тем временем продолжал:

— Со стороны всегда виднее. Порой инстинкты подсказывают верное решение раньше, чем включится разум. Истинную привязанность невозможно утаить, как ни старайся.

Точь-в-точь как Ци Ван: превыше всего ценил свободу, но в решающий миг без колебаний принял чужую ношу. Да и Учэнь платил ему тем же: потакал его дерзостям, прощал безумства и принимал любой выбор. Он никогда не давил, а лишь заслонял собой, оставляя бродяге право решать самому.

В этот миг до Дуань Цунчжи наконец дошёл истинный смысл слов коллеги. Учэнь попросту не умел облекать чувства в слова. Его безмолвное покровительство, готовность прощать любые вольности и были единственной доступной ему формой признания.

Юноша невольно провёл параллель с Цинь Кэ. Вспомнил, как тот раз за разом закрывал глаза на его капризы и дерзкие выходки. Будь он на месте Ци Ваня, разве удержался бы от искушения проверить, как далеко готов зайти невозмутимый покровитель, уступая его желаниям?

Когда съёмки возобновились, режиссёр так и просиял: Дуань Цунчжи наконец-то поймал нужную интонацию. Каким образом Ху Сюйцзэ удалось сотворить это чудо за столь короткий срок, мастера совершенно не волновало.

Вернувшись в усадьбу после смены, Дуань Цунчжи заметил на столе горсть свадебных конфет и ярко-красные варёные яйца. Чжоу Цюань пояснил, что это традиционный презент от хозяина гостиницы — благодарность гостям, почтившим вчерашнее торжество своим присутствием.

В детстве на Восточной улице играли свадьбы точно так же: молодожёны разносили крашенные яйца по всем окрестным домам.

По сути, это были самые обыкновенные, давно остывшие варёные яйца с характерным, не

слишком приятным запахом. Цунчжи никогда их не любил, но в детстве сама традиция казалась ему жутко увлекательной.

Юноша взял со стола крашеное яйцо, безуспешно пытаясь вспомнить, что же его так забавляло много лет назад. Праздничный краситель мгновенно отпечатался на пальцах багровыми разводами.

Бросив яйцо обратно в тарелку, он на ходу вытер ладонь и шагнул в комнату. Там, помимо Цинь Кэ, обнаружился его личный помощник. Дуань Цунчжи сразу догадался, в чём причина этого визита.

— Ты уезжаешь?

— Да, — негромко отозвался Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи растерялся. Сколько он себя помнил, они с Цинь Кэ практически никогда не расставались надолго. В этот раз он сам принял решение уйти из Поместья Цинь. Юноша волен был распоряжаться своей судьбой, но Цинь Кэ прочно удерживали обязательства перед семьёй.

Прямо как Учэнь, который не мог покинуть Поместье Почитания Меча.

На плечах мужчины лежал неподъёмный груз забот о делах Поместья Цинь. Выкроить даже пару дней на отдых для него было непозволительной роскошью, а то, что он провёл здесь почти неделю, и вовсе граничило с чудом.

В воздухе повисла щемящая тишина. Вспомнив образ Учэня и недавние рассуждения коллеги о тайных знаках внимания, Дуань Цунчжи решительно достал смартфон. Открыв вкладку со своим QR-кодом, он с лукавой улыбкой продемонстрировал экран мужчине:

— Третий господин, добавим друг друга в контакты?

Цинь Кэ молчал. Юноша поспешил с самым невинным видом аргументировать свою просьбу:

— Будешь присылать мне свежие снимки Танъюаня.

— У меня нет этого приложения, — ровно ответил Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи на миг лишился дара речи. Он полагал, что мужчина просто не жалуется мессенджеры, но никак не думал, что у того даже учётной записи не существует.

— Значит, самое время зарегистрироваться, — ничуть не смутившись, парировал он.

Цинь Кэ смерил его долгим, нечитаемым взглядом.

— Давай я всё настрою? — закинул удочку Цунчжи.

К его удивлению, мужчина без лишних слов протянул свой смартфон.

Обычно личный аппарат Цинь Кэ находился в распоряжении его помощника. Тот лишь следил за важными звонками и расписанием шефа, никогда не позволяя себе лишнего.

Дуань Цунчжи впервые держал это устройство в руках. Интерфейс поражал лаконичностью: никаких развлекательных сервисов или привычных соцсетей. Помимо стандартных утилит, экран пестрел иконками каких-то специализированных программ со сложными названиями, которых юноша отродясь не видел.

Не став утыкаться в чужие секреты, он быстро отыскал магазин приложений, скачал мессенджер, зарегистрировал аккаунт и отправил себе запрос в друзья. Всё это он проделал столь стремительно, что Цинь Кэ даже при желании не успел бы его остановить.

— Готово, — Дуань Цунчжи с торжествующим видом вернул смартфон владельцу. — Имя профиля и аватарку я поставил первые попавшиеся. Если не понравятся — поменяешь.

Впрочем, он лукавил: мужчина наверняка оставит всё как есть.

Имя профиля состояло из лаконичных инициалов «QK», а на аватарку Цунчжи водрузил фотографию Таньюаня. Кто бы мог подумать, что в галерее невозмутимого господина обнаружится снимок лохматого пса! Видимо, завязанный когда-то на шее питомца галстук пришёлся Цинь Кэ по душе, да и отношения у них, судя по всему, сложились на редкость тёплые.

Вскоре контакты Цинь Кэ начали получать уведомления о новом пользователе. Те, кто решался кликнуть по ссылке, лишались дара речи: какой безумец посмел зарегистрировать мессенджер на личный номер Третьего господина, да ещё и вклеить на аватар забавную собачью морду?

Лишь секретарь Чэн Юй не выказал особого изумления. У Цинь Кэ имелся официальный аккаунт в вейбо, куда тот ни разу в жизни не заходил лично — ведением страницы занимался штат пиарщиков. Секретарь здраво рассудил, что и этот профиль создан исключительно для рабочих нужд и вскоре перейдёт под его контроль.

За долгие годы службы он успел твёрдо усвоить: Третий господин Цинь и личное неформальное общение — вещи абсолютно несовместимые. Но стоило Чэн Юю присмотреться к аватару, как его уверенность пошатнулась. С экрана на него в упор взирал пушистый самоед — любимец

Дуань Цунчжи по кличке Таньюань.

В кулуарах давно шептались, будто суровый глава клана завёл себе смазливую фаворитку. Чэн Юй лишь снисходительно усмехался подобным басням. Любимой, кому доводилось лично встречать Дуань Цунчжи, понимал: этот гордый юноша меньше всего походил на покорную содержанку. Его баловали и опекали как истинного наследника.

Однако в последнее время привычный порядок вещей дал трещину. Всё началось со внезапного отъезда парня из Поместья Цинь. Третий господин не только исподтишка следил за каждым его шагом, но и лично сорвался в эту глушь... Неужели хитрый Дуань Цунчжи затеял тонкую игру и попросту манит его за собой?

В этот миг секретарь преисполнился к юноше искреннего уважения. Попробуй кто-то другой разыграть подобную карту, Цинь Кэ даже бровью бы не повёл. Но в случае с Дуань Цунчжи... Что ж, достаточно взглянуть на то, где сейчас находится его строгий босс, чтобы оценить весь масштаб триумфа.

«Пожалуй, когда молодой господин Дуань вернётся в Поместье Цинь, мне стоит подыскать для него более подходящее обращение».

<http://bllate.org/book/18330/1765588>